

ВЗЯТЬ интервью у Зиновия Паперного оказалось не так-то легко.

Когда я приехал в Институт мировой литературы, где он работает, там шла конференция, посвященная 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. В своем выступлении З. Паперный говорил о юморе Гоголя, в частности, о типичном для Гоголя сюжете, который не осуществился. Так, в повести «Коляска» Чертокуцкий проспал демонстрацию коляски. В «Женитьбе» Подколесин вместо женитьбы выпрыгнул в окно.

То же впоследствии у Чехова: «Предложение», «Свадьба», которые кончились скандалом. А пьесу «Три сестры» можно считать классическим примером неосуществленного сюжета.

Поначалу мой «сюжет» тоже не «осуществился» — поговорить с Зиновием Самойловичем мне не удалось. Вечером того же дня Паперный выступал на вечере юмора, где он рассказывал о встречах с Чуковским, Светловым, Утесовым. Это была уже не наука, а стихия чистого юмора с откровенно эстрадным уклоном. Когда, наконец, мы встретились, мой первый вопрос был такой:

— Зиновий Самойлович, вы старший научный сотрудник Института мировой литературы, доктор филологических наук и... лауреат премии «Золотого тельца» шестнадцатой полосы «Литературной газеты»...

— Это мне не кажется особенно неожиданным. В жизни всегда перемешивается смешное и серьезное. Есть такая поговорка: «Делу — время, потехе — час». Я с этим не согласен. Получается, что человек должен отдельно — работать и отдельно — смеяться. Нет, мне больше

по душе высказывание Маяковского: «Жить и работать надо весело».

Возьмите, к примеру, искусство. После Чехова нельзя уже говорить о строгом разделении на комедию и драму. Я видел постановку «Дяди Вани» на сцене БДТ в Ленинграде (режиссер Г. А. Товстопогов). Дядю Ваню играл Олег Басилашвили. Своим ис-

полнением он вызывал и смех, и сочувствие, и слезы. Или другой пример: Эльдар Рязанов начал с чистой комедии «Карнавальная ночь», а дальше «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Ирония судьбы», «Вокзал для двоих»... — очень смешные фильмы, в которых говорится об очень серьезных вещах. Чехов открыл дорогу синтетическому жанру, где трагическое и комическое смешаны воедино.

— Коль речь зашла о юморе, не могли бы вы назвать новые, на ваш взгляд, интересные имена?

— Если говорить о последнем времени — Владимир Колечицкий. Он работает в предельно трудном жанре. Каждое его произведение состоит из одной строки. Лучшим афористом справедливо считается польский сатирик Станислав Ежи Лец. Его книжка «Непричесанные мысли» стала библиографической редкостью в момент появления. Владимир Колечицкий говорил мне, что считает Леца одним из своих учителей...

— А не могли бы вы на па-

мье привести несколько примеров? — Вот несколько афоризмов Леца, которые мне особенно нравятся: «Все в руках человека, поэтому их надо как можно чаще мыть», «Всегда найдутся эскимосы, которые выработают для жителей Конго инвентаризацию, как вести себя во время жары», «Если бы козла отпущения

можно было бы еще доить». «Не зови ночью на помощь, еще разбудишь соседей». А вот Колечицкий (он, кстати говоря, тоже лауреат премии «Золотого тельца»): «Факты — упрямы, оттого и голые», «Мечты сбываются по сходной цене». «Как жаль, что способность делиться осталась только у простейших!».

Еще хочется сказать о Викторе Славкине. Правда, это уже не такое новое имя. Кто не знает пьесы «Взрослая дочь молодого человека», прекрасно поставленной Анатолием Васильевым в театре имени Станиславского. В Славкине мне нравится необычность его драматургических ходов.

— Хорошее интервью не обходится без оригинального вопроса. Скажите, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете?

— Хороший вопрос. Начну с серьезного. У меня был большой период подготовки 30-томного полного собрания сочинений А. П. Чехова. Эта работа дала мне очень много. В нашей группе работали известные чеховеды Л. Д.

Опульская, Э. А. Полоцкая, Л. М. Долотова, А. П. Чудakov и другие. В итоге многолетней работы у меня вышли книги: «Записные книжки Чехова» (1976 г.), «Чайка» (1980 г.), «Вопреки всем правилам» (1982 г.) — книга о драматургии Чехова.

Сейчас я из чеховской группы нашего института перешел в блоковскую. Мне по-

ручена увлекательная работа по подготовке записных книжек Блока для полного собрания сочинений. Они в значительной мере еще не опубликованы — до сих пор не напечатаны поэтические автографы, отражающие работу над стихами. Читая, видишь, как зарождался замысел, как поэт перебирал разные варианты, как шел к законченности стихотворения и каждой строчки.

— Я знаю, что вы работаете еще в одном направлении. Ваша книжка «Единое слово» посвящена русской и советской поэзии от Блока до Окуджавы, Вознесенского, Самойлова. Вы кончаете разговор о советской поэзии на поэтах поколения конца 50-х, начала 60-х годов. С момента их появления в литературе прошло четверть века. Как вы думаете, пришло ли новое поколение поэтов?

— Возникло парадоксальное положение. За четверть века, конечно, появились новые молодые имена. Но говорить о новом поколении рано в том смысле, в

каком мы говорим о предшествующем поколении молодых. Картина достаточно пестрая, нет такого дружного прихода, как в 60-х годах. За всю историю советской поэзии не было, на мой взгляд, такого долгого ожидания поэтического поколения.

В моей книге «Единое слово» об этом нет разговора. Но я могу назвать книгу Сер-

гея Чупринина «Крупным планом» (изд-во «Советский писатель», 1983 г.). Она посвящена сегодняшним дням русской поэзии. Там как раз говорится о последнем двадцатилетии. Я очень рад появлению нового имени, правда не поэта, а исследователя.

— Как же получается: поколения нет, а исследователи есть?

— Да. Ну что ж, у нас вообще сильная критика. Лев Аннинский, Алла Марченко, Евгений Сидоров, Станислав Лесневский, Владимир Гусев, Андрей Турков, Владимир Огнев — я называю только некоторых.

— Ваши планы в области юмора?

— Мечтаю написать книгу о людях, с которыми мне повезло встретиться, — о Чуковском, Маршаке, Светлове, Утесове, Олеше. У каждого из них свой, на других не похожий юмор.

Вообще говоря, есть как бы два рода юмора: расхожий, безымянный, безличностный и другой юмор, в котором угадываются черты личности.

Например, почти в каждой светловской шутке смешное переплетено с печальным. А юмор Юрия Олеше поражает взлетом фантазии, необычностью ходов. Только Олеша мог сказать, глядя на троллейбус сзади, что он похож на чеховский портрет: два оконных стекла — как пенсне, а веревка от дуги — как шнурок. Я много занимался юмором Маяковского. Это юмор атакующий. Там, где Маяковский нападает, Светлов грустно усмехается, а Олеша фантазирует. Говорят, что стиль — это человек. Можно добавить, что юмор — это лицо. Не случайно Светлов не любил рассказывать анекдоты. Он говорил: «Анекдот — это одолженный юмор». В свое время вышла книжка «Физики шутят». Жалко, что нет книги «Лирики шутят». Я бы рад был способствовать появлению такой книги.

— После того, как мы говорили о юморе, позвольте спросить, какое бы вы дали определение юмору? Что это такое?

— Юмор — это прежде всего свобода. Я бы сравнил его с видами транспорта. Самый штампованный юмор: трамвай — он идет по рельсам штампа. Большая свобода у троллейбуса, но он ограничен дугой. Еще более свободен автобус, но у него — маршрут. А вот легковая машина, сама избирающая маршрут, — это полное преодоление штампа как привычной заданности. Я — за «легковую» юмор.

— И последний вопрос: ваше любимое изречение?

— Некогда я для себя придумал такое: «Да здравствует все то, благодаря чему мы несмотря ни на что!».

Беседу вел
Алексей КУЗЬМИН.

ЖИВИТЕ ВЕСЕЛО